

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1964.3.02>

## РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВИДОВ ХУЛИГАНСТВА ПО СТЕПЕНИ ИХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Ю. ЛИВШИЦ

1. Общественная опасность хулиганства имеет свою и качественную, и количественную стороны, диалектическая взаимозависимость которых дает содержание понятия характера и степени общественной опасности этого преступления. Характер общественной опасности хулиганства определяется теми его признаками, которые имеют обязательное значение, как признаки состава данного преступления для всех проявлений преступного хулиганства. Этими же признаками характеризуется общественная опасность, как критерий отграничения преступного хулиганства от хулиганства, являющегося административным деликтом, с одной стороны, а с другой, — как показатель опасности хулиганства по сравнению с иными преступлениями. Последний случай не следует понимать слишком универсально, как это делает чехословацкий юрист Л. Шуберт, утверждающий, что отдельные составы преступлений, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса, «характеризуются различной степенью общественной опасности»<sup>1</sup>. Мы имеем в виду тот уровень опасности хулиганства, который отражен в факте помещения этого преступления в главу Уголовного кодекса о преступлениях против общественного порядка и общественной безопасности, а не, скажем, в главу об иных государственных преступлениях.

Понятие степени общественной опасности хулиганства имеет значение и для внутренней градации. Само по себе преступное хулиганство имеет различные степени общественной опасности. Это обстоятельство находит свое отражение в законодательстве в виде установления ответственности за злостное хулиганство ст. 196 Уголовного кодекса ЭССР (УК ЭССР), за хулиганство, не отягченное признаками злостности (ст. 195 УК ЭССР), а также за мелкое повторное хулиганство (ст. 195 УК ЭССР).

Попытки искать основания для разграничения видов хулиганства в области объекта и субъективной стороны заведомо безуспешны, ибо во всех случаях имеет место посягательство на отношения социалистического общежития, совершенное умышленно. Критериями установления здесь различной степени общественной опасности следует считать: а) характер действий; б) характер последствий; в) некоторые специальные признаки субъекта<sup>2</sup>. Эти критерии выражены в обрисовке признаков злост-

<sup>1</sup> Л. Шуберт, Об общественной опасности преступного деяния. Перевод со словацкого языка. М., 1960, стр. 33.

<sup>2</sup> В настоящей статье мы не будем останавливаться на разграничении видов преступного хулиганства по специальным признакам субъекта (повторность и рецидив), так как ранее мы уже высказывали в печати свое мнение по данному вопросу. — См. «Известия Академии наук ЭССР. Серия общественных наук» 1963, № 4, стр. 356—364.



ного хулиганства в соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик, причем не отличающихся полным единообразием. Поэтому показательно будет представить степени опасности видов хулиганства в специальной таблице. (См. таблицу).

2. Согласно ст. 196 УК Эстонской ССР характер хулиганских действий, оказывающий влияние на повышение степени общественной опасности хулиганства, выражается в следующих признаках: наличие особого цинизма или дерзости, а также насилие над личностью.

Выяснить различие понятий цинизма и дерзости довольно трудно. Даже в своем обыденном содержании они мало чем отличаются друг от друга. В «Словаре русского языка» цинизм характеризуется как «наглое, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-либо пользующемуся всеобщим признанием, уважением»<sup>3</sup>. В то же время о понятии «дерзкий» в словаре говорится, что это — «непочтительный, грубый; вызывающий»<sup>4</sup>.

Едва ли есть необходимость искать какое-то иное содержание для этих понятий, как признаков хулиганского действия. Обращает на себя внимание другой факт — чрезвычайная широта и объемность понятий цинизма и дерзости, что делает их почти равнозначными понятию хулиганства. Действительно, достаточно поставить вопрос о том, может ли быть хулиганство благопристойным, не непочтительным, не вызывающим, как неизбежно возникнут обоснованные сомнения о возможности рассмотрения циничного и дерзкого хулиганства, как части целого. Поэтому сами по себе цинизм как дерзость не могут свидетельствовать о том, совершено ли злостное или незлостное хулиганство. Не случайно в качестве признаков, характеризующих один из критериев общественной опасности хулиганства, цинизм и дерзость в законе называются вместе с определением «особый», «исключительный». То, что в ст. 196 УК ЭССР слово «особый» стоит только перед словом «цинизм» и нет его перед словом «дерзость», является лишь техническим моментом, отнюдь не говорящим о возможности злостного хулиганства без особой дерзости. Из приведенной таблицы (графа 1/4 «а») видно, что в кодексах других союзных республик слово «исключительный» встречается и в качестве определения к «дерзости» и «цинизму» (ст. 228 УК ГрузССР), и в качестве определения только к «дерзости» (ст. 200 УК КазССР).

В установлении того, когда цинизм или дерзость нашли особый, исключительный характер, решающую роль играет социалистическое правосознание судей, и нет какой-либо необходимости в законе говорить, что такое особый цинизм или дерзость. Однако при постановлении приговора суд должен руководствоваться не только своим правосознанием и статьей Особенной части Уголовного кодекса, а также и положениями Общей его части. Учитывая, что понятия особого цинизма и дерзости не характеризуются достаточной конкретностью, для их выявления, как нам представляется, может быть использован перечень обстоятельств, отягчающих ответственность (ст. 38 УК ЭССР), имеющих значение для объективных признаков преступления. Так, особо дерзким хулиганством может считаться хулиганство, совершенное в отношении малолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии, а равно в отношении душевнобольного или слабоумного (в соответствии с п. 5 ст. 38 УК ЭССР); хулиганские действия, совершенные с особой жестокостью или издевательствам над потерпевшим (в соответствии с п. 7 ст. 38 УК ЭССР); хулиганские действия, совершенные общеопасным способом (в соответствии с п. 9 ст. 38 УК ЭССР).

Разумеется, что определение особого цинизма (дерзости) хулиганских действий не может быть ограничено только этими положениями, так как перечень отягчающих обстоятельств, как не подлежащий распространению, имеет значение для определения наказания, а не для квалификации преступлений. Мы же предлагаем воспользоваться им в качестве вспомогательного, но не главного средства, которое не подменяло бы собой правосознание судей. Тем не менее, поскольку эти обстоятельства названы в законе, их установление в конкретных хулиганских актах определило бы

<sup>3</sup> Словарь русского языка, т. IV. М., 1961, стр. 884.

<sup>4</sup> Там же, т. I. М., 1961, стр. 527.



обязанность суда расценивать такие действия как отвечающие признакам особого цинизма и дерзости и квалифицировать их как злостное хулиганство.

Судебной практике известны и многие другие случаи особо циничного и дерзкого хулиганства. В качестве примера укажем на хулиганские действия, выражающие явное неуважение к обществу в форме грубого попрания элементарных норм стыдливости и полового уклада (например, публичное половое сношение, появление в нагом виде на улице и т. п.); хулиганские действия, выражающие явное неуважение к обществу в форме наругательства над советской символикой, совершенное не из анти-советских побуждений (например, осквернение революционных памятников, портретов и т. п.); хулиганские действия, выражающие явное неуважение к обществу в форме грубого нарушения порядка проведения общественно-политических, производственных, культурно-массовых, физкультурных и спортивных мероприятий (например, появление на поле стадиона во время футбольного матча лица, находящегося в нетрезвом состоянии, пытающегося в подчеркнуто наглой форме выразить свои симпатии или антипатии игрокам; громкие выкрики, сопровождаемые нецензурной бранью, в кинозале во время демонстрации кинокартины и другие).

Следует указать, что особая дерзость хулиганского действия может выражаться в его интенсивности. Поэтому, как правило, хулиганские действия, сопряженные с нападением на граждан, квалифицируются по ст. 196 УК ЭССР.

Злостный характер хулиганских действий, согласно указаниям ст. 196 УК ЭССР, может определяться фактом учинения насилия над гражданами. Самостоятельность признака насилия имеет условный характер, так как в общем он является одной из характеристик дерзости хулиганства. Но его самостоятельное место в диспозиции ст. 196 УК ЭССР имеет не редакционно-техническое значение. Хулиганские действия, сопряженные с насилием над гражданами, не могут расцениваться как незлостное хулиганство и квалифицироваться по ст. 195 УК ЭССР. Из таблицы видно, что такую позицию выражают Уголовные кодексы не всех союзных республик, восемь из них не называют «насилие над личностью» признаком злостного хулиганства.

Содержание понятия насилия над личностью, включающее в себя и психическое, и физическое насилие в самых разнообразных видах их проявления, слишком широко, чтобы его специально формулировать в качестве признака злостного хулиганства. Мы полагаем, что незлостное хулиганство тоже может быть сопряжено с насилием над личностью, и если уже видеть в этом признаке свойства разграничителя, то — не видов преступного хулиганства, а хулиганства — преступления от хулиганства — административного деликта, ответственность за которое устанавливается Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 18 января 1957 г.

В этом плане нам представляется более обоснованным решение вопроса статьей 204 УК Узбекской ССР, где признаком злостного хулиганства называется не обширное по содержанию «насилие над личностью», а хулиганство, сопровождавшееся нанесением ударов и побоев или причинением телесных повреждений (за исключением тяжких, и — добавим для УК ЭССР — особо тяжких).

Отсюда не следует, как это полагает С. Я. Булатов, что нет такого преступного хулиганства, которое не сопровождалось бы насилием над личностью или уничтожением или повреждением имущества<sup>5</sup>. Насилие — это лишь один из признаков, отсутствие которого в том или ином действии далеко не всегда свидетельствует о нециничном или недерзком характере поступка.

Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 5 мая 1962 г. из статьи 196 УК Эстонской ССР был исключен такой признак злостности хулиганства, который определялся в первоначальной редакции этой статьи, как хулиганство, «сопровождавшееся сопротивлением представителю власти или представителю общест-венности, охраняющему общественный порядок, при исполнении ими своего должно-

<sup>5</sup> С. Я. Булатов, Основные черты Уголовного кодекса Казахской ССР. Уч. зап. Каз. гос. ун-та им. С. М. Кирова, 1960, т. IX, X, вып. 6, стр. 148.



стного или общественного долга». Этот признак имеется в УК других республик, кроме ст. 207 УК Азербайджанской ССР и ст. 204 УК Узбекской ССР. В последних двух кодексах содержится мало удачная, на наш взгляд, формулировка о том, что одним из признаков злого хулиганства является совершение хулиганских действий, которые упорно не прекращались, несмотря на предупреждение представителей органов власти или общественности, охраняющих общественный порядок.

Мы считаем правильным изменение, внесенное Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 5 мая 1962 г. в статью 196 УК ЭССР.

Может ли признак оказания сопротивления повышать степень общественной опасности хулиганского действия при отсутствии других черт злого хулиганства?

Едва ли практически может быть допущена идеальная совокупность преступлений, предусмотренных статьей 195 и статьями 182 и 182<sup>1</sup> УК ЭССР. Оказание сопротивления представителям власти или общественности является проявлением особой дерзости хулиганства и включается в последний признак, в силу чего такие действия подлежат квалификации как хулиганство по ст. 196 УК ЭССР и как оказание сопротивления по ст. 182 или 182<sup>1</sup> УК ЭССР<sup>6</sup>. Наличие же самостоятельного признака злого хулиганства в виде оказания сопротивления представителям власти или общественности может поставить под сомнение необходимость квалификации таких действий по ст. 182 или 182<sup>1</sup> УК ЭССР, что, конечно, нельзя признать правильным.

Сказанное не касается реальной совокупности хулиганства и сопротивления, где вполне могут иметь место обоснованные случаи квалификации по ст. 195 и ст. 182 или 182<sup>1</sup> УК ЭССР.

3. Для установления различий видов преступного хулиганства по степени их общественной опасности важное значение имеют последствия хулиганских действий.

В описании признаков злого хулиганства в ст. 196 УК ЭССР нельзя найти специальных указаний о характере последствий. Но не называя специально последствий, определяющих степень общественной опасности злого хулиганства в отличие от незлого, законодатель предполагает их, давая обрисовку характера действия. Здесь мы видим тот же прием, который применяется при создании общего определения понятия хулиганства. Когда хулиганство определяется законодателем как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, то уже в самой формулировке закона называются не только действия, но и последствия. Именно эти два смысла заложены в понятии «нарушение». Разумеется, что здесь речь идет не о всех, а только о ближайших последствиях хулиганства.

Особо циничный или дерзкий характер хулиганских действий, как правило, имеет тяжкие последствия, конкретно выражающиеся в причинении значительного физического вреда, острых душевных страданий потерпевшим, а также материального ущерба. Поэтому, например, последствия хулиганских действий, выразившиеся в остром душевном беспокойстве отдельных граждан при сообщении им заведомо неправдивых сведений о крупных несчастиях с близкими им людьми, срыв демонстрации кинокартины грубыми выкриками, сопровождаемыми нецензурной бранью, деморализующее влияние на окружающих при публичном унижении развратных действий и т. п., — все эти последствия должны учитываться как факторы, определяющие степень общественной опасности деяния и указывающие на необходимость квалификации по ст. 196 УК ЭССР, а не по ст. 195 УК ЭССР.

Одним из показателей наличия последствий, относящихся к злому хулиганству, является необходимость квалификации хулиганства по совокупности с другими

<sup>6</sup> Необходимость именно такой квалификации подчеркивается постановлением № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» (п. 6), «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 4, стр. 16.



**Критерии степени общественной опасности злого хулиганства, выраженные в признаках ст. 196 УК ЭССР  
(в сравнении с соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик)**

Критерии степени общественной опасности хулиганов	Признаки злого хулиганства по ст. 196 УК ЭССР	Признаки злого хулиганства, изложенные в УК ЭССР также, как и в УК других республик	Признаки злого хулиганства, изложенные в УК других республик иначе, чем в ст. 196 УК ЭССР	Признаки злого хулиганства, не названные в ст. 196 УК ЭССР, но содержащиеся в УК других республик	Признаки злого хулиганства, названные в ст. 196 УК ЭССР, но не содержащиеся в УК других республик
I. Характер действий.	<p>а) Совершенное с особым цинизмом или дерзостью;</p> <p>б) сопряженное с насилием над личностью.</p>	<p>а) Называется во всех кодексах, с употреблением часто вместо слова «особый» слова «исключительный». Особенности отмечены в графе 4.</p> <p>б) Признак «б» «сопряженное с насилием» содержится в ст. 225 УК ЛитССР, в ст. 215 УК КиргССР, в ст. 228 УК ГрузССР, в ст. 218 УК МолдССР.</p>	<p>а) Отличающиеся по своему содержанию цинизмом или <i>исключительной дерзостью</i> (ст. 200 КазССР);</p> <p>б) отличались <i>особым цинизмом</i> (ст. 204 УК УзССР);</p> <p>в) отличающиеся <i>исключительным цинизмом или исключительной дерзостью</i> (ст. 228 УК ГрузССР).</p>	<p>«...связанные с сопротивлением представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка» — называется во всех кодексах, за исключением ст. 207 УК АзербССР, где говорится: «... или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение представителей органов власти или общественности, охраняющих общественный порядок». Такая же редакция дается ст. 204 УК УзССР;</p> <p>«...сопровождались нанесением ударов и побоев или причинением телесных повреждений (за исключением тяжких)...» (ст. 204 УК УзССР);</p> <p>«...сопряженные с причинением телесного повреждения...» (ст. 204 УК ЛатвССР).</p>	<p>Признак «б» «сопряженное с насилием» не содержится в ст. 206 УК РСФСР, в ст. 207 УК АзербССР, в ст. 220 УК ТаджССР, в ст. 222 УК АрмССР, в ст. 236 УК ТуркмССР, в ст. 200 УК КазССР, в ст. 206 УК УССР, в ст. 201 УК БССР.</p>
II. Характер последствий.	<p>Особо не называется.</p>			<p>«...нанесение ударов и побоев или причинение телесных повреждений (за исключением тяжких)» (ст. 204 УК УзССР);</p> <p>«...с причинением телесного повреждения» (ст. 204 УК ЛатвССР)</p>	
III. Специальные признаки субъекта.	<p>б) Совершенное лицом, имеющим судимость за хулиганство или злостное хулиганство;</p> <p>б) совершенное особо опасным рецидивистом.</p>	<p>Признак «б» «совершенное особо опасным рецидивистом» называется в ст. 201 УК БССР, в ст. 206 УК УССР, в ст. 236 УК ТуркмССР, в ст. 228 УК ГрузССР, в ст. 225 УК ЛитССР.</p>	<p>а) «Совершенное лицом, ранее судимым за хулиганство» — во всех кодексах, кроме ст. 225 УК ЛитССР, ст. 207 УК АзербССР, ст. 218 УК МолдССР, где говорится: «ранее осужденным за хулиганство».</p>	<p>«...совершенные повторно» (ст. 204 УК УзССР).</p>	<p>а) Признак прежней судимости специально не называется в ст. 204 УК УзССР;</p> <p>б) признак «совершенное особо опасным рецидивистом» не называется в ст. 206 УК РСФСР, в ст. 207 УК АзербССР, в ст. 218 УК МолдССР, в ст. 220 УК ТаджССР, в ст. 215 УК КиргССР, в ст. 222 УК АрмССР, в ст. 200 УК КазССР, в ст. 204 УК ЛатвССР, в ст. 204 УК УзССР.</p>



преступлениями. Действия, подпадающие под признаки ст. 195 УК ЭССР, лишь в редких случаях образуют идеальную совокупность с преступлениями против личности и некоторыми другими составами.

При этом следует исходить из таких положений:

Во-первых, ущерб, нанесенный личности от хулиганских действий, может быть таков, что он не выходит за пределы последствий собственно хулиганства (оскорбление, причинение физической боли, причинение легких телесных повреждений без расстройства здоровья). Как правильно подчеркивают И. И. Солодкин и И. Г. Филановский, квалификация подобных хулиганских действий по совокупности с соответствующими статьями о преступлениях против личности «приводит к извращению социально-политической характеристики действий обвиняемого, поскольку при квалификации ударов, побоев, совершенных из хулиганских побуждений, по ст. 143 и 146 УК, остается неясным, за какие же именно действия наступила ответственность по ст. 74 УК» (здесь приводятся статьи УК РСФСР 1926 г. — Ю. Л.).<sup>7</sup>

Во-вторых, нередко преступления, начавшиеся с хулиганских действий, перерастают затем в другие, более общественноопасные преступления — в сопротивление работникам милиции или дружинникам, тяжкие и особо тяжкие телесные повреждения, убийства и др. В этих случаях характер фактически наступивших последствий имеет решающее значение для правильной квалификации преступления. Мы полагаем, что здесь требуется квалификация по совокупности статей даже тогда, когда диспозиция данной статьи содержит указание о хулиганских побуждениях как квалифицирующем обстоятельстве (умышленное убийство из хулиганских побуждений — ст. 101, п. 2 УК ЭССР; умышленное нанесение особо тяжкого телесного повреждения из хулиганских побуждений — ст. 107, ч. II, п. 2; умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения из хулиганских побуждений — ст. 108, ч. II, п. 1. Последние два преступления называются в редакции, изложенной в Указе Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 5 ноября 1962 г.).

В основе такого решения вопроса о квалификации по совокупности лежит мнение о том, что действие, совершаемое из хулиганских побуждений, не может не быть хулиганством. Иначе происходит разрыв субъективной и объективной сторон, — который никак не может быть оправдан. При этом хулиганские побуждения играют роль отягчающего обстоятельства только в составах с более тяжелыми последствиями (убийство, тяжкие, особо тяжкие телесные повреждения) и, следовательно, квалификация по совокупности не создает искусственного повышения ответственности. Противоположное решение этого вопроса может быть получено, лишь если исходить из факта превышения санкций статей об убийстве и телесных повреждениях над санкциями статьи о хулиганстве. Мы полагаем, что в данном случае, как и вообще, санкция не может быть единственным критерием квалификации преступления. Последняя прежде всего должна отражать своеобразие составов преступлений, ибо санкция является не настолько самостоятельной частью статьи, чтобы расцениваться изолированно от ее диспозиции. И поскольку всякое убийство или особо тяжкое телесное повреждение, совершенное из хулиганских побуждений, содержит в себе и признаки хулиганства, и признаки соответствующего преступления против личности, то и квалификация должна отражать это своеобразие идеальной совокупности преступлений.

Такой же принцип должен быть положен в основу квалификации хулиганских действий, сопряженных с уничтожением или повреждением государственного, обще-

<sup>7</sup> И. И. Солодкин, И. Г. Филановский, Основные вопросы борьбы с хулиганством. «Советское государство и право» 1956, № 3, стр. 107. Эта точка зрения имеет почти всеобщее признание среди советских криминалистов и находит свое подтверждение в практике Верховного Суда СССР. См., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Александра (в сб. постановлений Пленума и определений Коллегий за 1940 г., стр. 87); определение по делу Сиротина («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949, № 3, стр. 43); определение по делу Крук и других («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949, № 2, стр. 35); определение по делу Масленова («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955, № 4, стр. 17).



ственного или личного имущества граждан. В период действия УК РСФСР 1926 г. высказывалось мнение, что хулиганство, сопряженное с умышленным повреждением и истреблением государственного, или общественного имущества, во всех случаях должно квалифицироваться по совокупности статей 74 и 79 УК РСФСР, так как «при квалификации хулиганства по совокупности ч. II, ст. 74 и ст. 79 УК у суда создается возможность применить в отношении лиц, совершивших такое хулиганство, дополнительную меру уголовного наказания в виде конфискации имущества»<sup>8</sup>.

С принятием новых уголовных кодексов в такой позиции нельзя найти теоретического смысла и практической необходимости. Такие действия по УК ЭССР должны, на наш взгляд, квалифицироваться следующим образом.

Хулиганские действия, сопряженные с уничтожением или повреждением государственного, общественного или личного имущества, при отсутствии крупного материального ущерба или иных тяжких последствий, но совершенные общеопасным способом, должны квалифицироваться как злостное хулиганство по ст. 196 УК ЭССР.

Хулиганские действия, сопряженные с уничтожением или повреждением государственного, общественного или личного имущества с причинением крупного материального ущерба или иных тяжких последствий, должны квалифицироваться по совокупности ст. 97, ч. II (ст. 114, ч. II) и ст. 196 УК ЭССР.

4. Хулиганство как преступление отличается от хулиганства — административного правонарушения — большей степенью общественной опасности. Согласно Указу Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 18 января 1957 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство»<sup>9</sup> к мелкому хулиганству должны относиться незначительные проявления хулиганства, выражающиеся в нарушении общественного порядка и спокойствия, проявлении оскорбительного неуважения к гражданам, сквернословии и совершении других недостойных поступков.

Граница между мелким хулиганством и уголовно наказуемым хулиганством довольно подвижна. Все дело в интенсивности действий виновного, в степени нарушения общественного порядка, проявления оскорбительного неуважения к гражданам, в общественной опасности личности, от чего зависит в ряде случаев и оценка общественной опасности деяния.

Обобщение практики народных судов г. Таллина позволило выявить значительное число фактов ошибочного применения Указа Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 18 января 1957 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство», когда судьями неверно производилось разграничение хулиганства — административного деликта и преступного хулиганства.

Анализ причин подобного рода ошибок приводит нас к следующим выводам. В большом числе случаев ошибочность оценки степени общественной опасности совершенного хулиганства определяется субъективным моментом, отсутствием требуемой в деятельности судьи особой вдумчивости в фактические обстоятельства и хорошего знания законодательства.

Но в спорных случаях трудности возникают подчас именно по причине отсутствия каких-либо рекомендательных указаний о направлениях отыскания различий преступного и непроступного хулиганства. Здесь нельзя не считаться с тем, что упрощенный процесс производства по делам о мелком хулиганстве, когда судья рассматривает их единолично, без участия народных заседателей, без сторон, нередко в обстановке спешки, в перерывах между судебными заседаниями, создает известные предпосылки возможности ошибочных постановлений. Отсюда следует, что большое значение приобретает то, каким образом будут подготовлены материалы органами милиции.

<sup>8</sup> А. А. Пионтковский, Б. Д. Меньшагин, В. М. Чхиквадзе, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 2, 1959, стр. 520.

<sup>9</sup> Административная ответственность за малозначительные хулиганские действия устанавливается также решениями местных Советов депутатов трудящихся. В задачи настоящей статьи не входит выявление различий видов административной ответственности за хулиганство и, в целом, анализ основания административной ответственности.



Если не говорить о том, что некоторые недобросовестные работники милиции за счет отнесения явно преступных действий к категории мелкого хулиганства пытаются «улучшить» показатели раскрываемости преступлений, то существует известная трудность в правильной оценке фактической стороны дела, ибо критерий степени общественной опасности сам по себе является слишком неопределенным.

Нам представляется, что существует необходимость в специальном директивном разъяснении для органов милиции и суда принципов разграничения видов хулиганства по степени их общественной опасности.

Уголовно-правовым основанием освобождения от уголовной ответственности за мелкое хулиганство в конкретном случае является норма, содержащаяся в ч. II, ст. 7 УК ЭССР: «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Именно исходя из понятия малозначительности следует выводить различие степеней общественной опасности рассматриваемых видов хулиганства. При этом надо учитывать следующее.

Во-первых, ч. II ст. 7 УК ЭССР не может быть дано буквальное толкование. Существует разница между обстоятельствами, исключающими общественную опасность деяния, и обстоятельствами, исключающими необходимую для преступления степень общественной опасности. В первом случае речь идет о таких обстоятельствах, которые вообще устраняют общественную опасность любого деяния (например, необходимая оборона, крайняя необходимость). Во втором — о таких обстоятельствах, которые, исключая преступность деяния, не устраняют, однако, его опасности для общества. Неправильно было бы считать, что общественная опасность является свойством лишь преступного деяния<sup>10</sup>. Употребление сторонниками отрицания общественной опасности административного проступка терминов «вредоносность», «неправомерность» для обозначения специфики административного правонарушения не меняет оценки сущности этого явления как опасного, хотя и не в такой степени, как преступление, для социалистического общества. Административный проступок, каким бы малозначительным он ни был, при фактической его распространенности создает существенную опасность для социалистического правопорядка. Он имеет одинаковую причинную обусловленность с преступлением. И, наконец, имеются законодательные указания о том, что общественная опасность свойственна не только преступлению<sup>11</sup>. Все это позволяет видеть разницу между преступлением и административным правонарушением в степени общественной опасности, а не в общественной опасности как таковой. Таким образом, указание ч. II ст. 7 УК ЭССР о деянии, которое в силу малозначительности не представляет общественной опасности, должно быть понято таким образом, что малозначительность исключает необходимую для преступления степень общественной опасности<sup>12</sup>. Следовательно, видеть в малозначительности основание

<sup>10</sup> Такое мнение, например, высказывает Н. Д. Дурманов в монографии «Понятие преступления» (М.—Л., 1948, стр. 290), а также авторы учебника «Теория государства и права» (М., 1949, стр. 141), М. А. Шнейдер «Советское уголовное право, часть общая» (М., 1955, стр. 117), авторы работы «Основы теории государства и права» (М., 1960, стр. 370—371) и некоторые другие юристы.

<sup>11</sup> В ст. I Основ говорится, что уголовное законодательство определяет, «какие общественно опасные деяния являются преступлениями...» Следовательно, понятие общественно опасного шире понятия преступного.

<sup>12</sup> Отличие преступления от административного деликта по степени общественной опасности признают многие юристы. См. Л. Шуберт, Об общественной опасности преступного деяния, стр. 23; А. А. Герцензон, Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955, стр. 53; П. И. Гришаев, Понятие преступления. Причины преступности. М., 1960, стр. 28—33; В. И. Курляндский, Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1957, стр. 14; М. Д. Шаггородский, Предмет и система уголовного права. «Советское государство и право» 1941, № 4, стр. 50—51; О. Ф. Шишов, О разграничении преступлений и административных проступков в Советском праве, «Советское государство и право» 1961, № 6;



разграничения преступного и непроступного хулиганства — еще не значит считать последнее не представляющим опасности для социалистического общества.

Во-вторых, как мы уже указывали выше, сущность общественной опасности хулиганства заключена в совокупности признаков, дающей понятие состава преступления хулиганства. Не все признаки состава преступления хулиганства играют одинаковую роль в образовании его повышенной степени общественной опасности. По крайней мере требования умышленной вины<sup>13</sup>, вменяемости и достижения определенного возраста являются необходимыми условиями наступления не только уголовной, но и административной ответственности за хулиганство.

Наибольшую значимость для установления наличия или отсутствия малозначительности хулиганства имеют объективные признаки: характер действий и последствий. Преступное хулиганство объективно проявляется в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу. Преступный характер общественной опасности хулиганства заключается не в том, что им нарушается общественный порядок и выражается неуважение к обществу, а в том, что это осуществляется грубо, особо пренебрежительно. Уточнение достигается путем указания на такие признаки; цинизм, дерзость и насилие над личностью. Мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что хулиганство является злостным лишь при особом цинизме и дерзости, и при наличии такого насилия над личностью, которое сопряжено с нанесением побоев и телесных повреждений. Отсутствие этих признаков при наличии не особого цинизма и дерзости и других видов насилия над личностью, кроме вышеназванных, дает основание говорить о преступном, но не квалифицированном хулиганстве. Когда же нет в действиях виновного цинизма и дерзости, а также насилия над личностью, то имеет место административно-наказуемое хулиганство.

Важное отграничительное значение имеет степень общественной вредности последствий хулиганских действий.

Ближайшие последствия хулиганских действий являются признаком объективной стороны состава преступления хулиганства. Но в качестве таковых они должны быть значительными. Малозначительность последствий дает основание расценивать хулиганство как административное правонарушение. Так, если лицо нецензурно выругается во время демонстрации кинокартины, то оно может быть подвергнуто административной ответственности за хулиганство. Однако если его ругань будет настолько интенсивной, громогласной, циничной, что приведет к срыву демонстрации кинокартины, то тогда будет иметь место преступное хулиганство. По крайней мере в тех случаях, когда наносится ущерб здоровью человека, существенно повреждается или уничтожается имущество, нарушается порядок проведения массовых мероприятий, — нельзя говорить об административно преследуемом хулиганстве.

Обстоятельства, влияющие на общественную опасность хулиганства, но не входящие в признаки состава преступления, как правило, не могут расцениваться в качестве разграничителей преступного и непроступного хулиганства. Только лишь в пограничных случаях их приходится принимать во внимание. Одним из таких обстоятельств является характеристика личности правонарушителя. При очевидности в деянии признаков состава преступления хулиганства положительная характеристика

стр. 69—73; Ф. Полячек, Состав преступления по чехословацкому праву. М., 1960, стр. 94; К. Лютов, Общественная опасность на деяние по наказательного право на НР Болгария. София, 1960, стр. 84—86 и др.

<sup>13</sup> При этом мы не утверждаем, что содержание умысла преступного и непроступного хулиганства является тождественным. Во втором случае виновный осознает общественную опасность таких своих действий и желает, сознательно допускает неизбежность таких последствий, которые являются объективной характеристикой именно мелкого хулиганства.



личности может смягчать ответственность, а при передаче на поруки общественности даже исключать уголовную ответственность за хулиганство, но она никак не может играть роль обстоятельства, исключающего преступность деяния. В случаях, когда уяснение фактической стороны сложно и возникает вопрос, считать ли хулиганство административным правонарушением или преступлением, в пользу того или иного решения может говорить и характеристика личности виновного.

Уголовные кодексы всех союзных республик, кроме УК Украинской ССР и УК Киргизской ССР, устанавливают уголовную ответственность за мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому дважды в течение года применялись меры общественного или административного воздействия за мелкое хулиганство. В ст. 195 УК Эстонской ССР, в отличие от УК других союзных республик, определяющих эту разновидность преступного хулиганства, предусматривается достаточность хотя бы примененных один раз в течение года мер общественного или административного воздействия; ответственность за это преступление предусматривается диспозицией и санкцией той же статьи, что говорит о преступном незлостном хулиганстве.

Преступность такого хулиганства определяется несколько своеобразно. Здесь также, как и в других видах преступного хулиганства, основанием уголовной ответственности является состав преступления, зафиксированный в соответствующей уголовно-правовой норме. Но выделяют этот вид хулиганства те признаки состава, которые относятся к субъекту преступления. Мелкое хулиганство именно потому становится преступным, что примененные по отношению к субъекту в течение года меры общественного воздействия или административные взыскания оказались недостаточными для перевоспитания лица, свидетельством чего явилось вновь совершенное им мелкое хулиганство. Отсюда, однако, не следует делать вывода, что объективная опасность такого «рецидивного» мелкого хулиганства равнозначна общественной опасности впервые совершенного мелкого хулиганства. Повышение общественной опасности субъекта является определяющим моментом в образовании преступной степени общественной опасности всего деяния, ибо здесь создается реальная возможность нанесения более тяжкого вреда отношениям социалистического общежития, чем тот фактический ущерб, который имеет место при мелком непроступном хулиганстве. В целях предотвращения превращения такой возможности в действительность и должно осуществляться уголовное преследование «мелкого злостного» хулигана.

С точки зрения оценки степени общественной опасности указанных в ст. 195 УК ЭССР двух видов хулиганства, можно поставить под сомнение правильность совместного помещения этих двух норм в одной диспозиции. Незлостное преступное хулиганство представляет повышенную общественную опасность в силу своих фактических объективных свойств, о которых мы уже говорили, что позволяет его расценивать как более опасное для общества, чем мелкое преступное хулиганство. Поэтому в законе должна проводиться дифференциация ответственности за эти виды хулиганства. В УК Эстонской ССР законодателю целесообразно отразить это различие так же, как сделано в уголовных кодексах большинства других союзных республик.

*Институт экономики  
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию  
16. XII 1963



## HULIGAANSUSE LIIKIDE PIIRITLEMINE NENDE ÜHISKONNAOHTLIKKUSE ASTME ALUSEL

J. Livšits

*Resüme*

Kuriteolisel huligaansusel on erinevad ühiskonnaohtlikkuse astmed mitte ainult kui konkreetsetel individuaalsel teol, vaid ka kui kuriteokoosseisul. See väljendub seadusandluses ettenähtud erinevas vastutuses kuritahtliku huligaansuse eest (ENSV KrK § 196), huligaansuse eest, mis ei sisalda ENSV KrK-i §-is 196 ettenähtud tunnuseid (ENSV KrK § 195), ja pishuligaansuse eest, kui sellele eelnenud aasta kestel samasuguse tegevuse eest oli süüdlase suhtes kohaldatud ühiskondliku mõjutamise vahendit või halduskaristust (ENSV KrK § 195).

Katsed otsida huligaansuse liikide piiritlemise aluseid objektis ja subjektiivses küljes on lõppenud ebaedukalt, sest kõikidel juhtudel on tegemist tahtlike rünnetega sotsialistlike kooselusuhete vastu. Kuriteolise huligaansuse liikide erineva ühiskonnaohtlikkuse kindlaksmääramisel tuleb kriteeriumiks võtta teo ja selle tagajärgede iseloom ning subjekti eritunnused.<sup>1</sup>

Eesti NSV KrK-i § 196 kohaselt väljendub huligaanse teo iseloom, mis toob kaasa huligaansuse ühiskonnaohtlikkuse astme tõusu, teo erilises küünilisuses või jõhkruuses või vägivald isiku kallal.

Kuna mõisted «küüniline» ja «jõhker» ei ole küllaldase selgusega eristatavad, on otstarbekas nende konkretiseerimiseks kasutada vastutust raskendavate asjaolude loetelus (ENSV KrK § 38) asjaolusid, mis kuriteo objektiivsete tunnustena tähtsust omavad.

Tunnus «vägivald isiku kallal» sisaldab kõige erinevamaid psüühilise ja füüsilise vägivalda liike ning on liiga avar, et teda käsitada kuritahtliku huligaansuse tunnuseks. Ka mittekuritahtlik huligaansus võib toimuda vägivalda teel. Vastutuse raskendamine võib siin toimuda eelkõige tagajärgedest lähtudes. Kui huligaansuse tagajärjed olid isiku suhtes rasked ja antud tegu tuleb kvalifitseerida konkurentsiparagrahvidega, mis käsitlevad isikuvastasteid kuritegusid, on üldreeglina tegemist kuritahtliku huligaansusega.

Huligaansus kui kuritegu erineb huligaansusest kui administratiivsest õiguserikkumisest oma suurema ühiskonnaohtlikkuse astme poolest. Praktikas esineb suuri raskusi nende huligaansuse liikide piiritlemisel. Et kergendada praktikas huligaansuse liikide piiritlemist, tuleks välja anda eriseletused. Huligaansus on kuritahtlik ainult erilise küünilisuse ja jõhkruuse puhul või kui isiku kallal tarvitatakse vägivalda, mis on seotud löömise, peksmise ja kehavigastuste tekitamisega. Eespool nimetatud tunnuste puudumisel, kui seejuures ei esine erilist küünilisust või jõhkruust ning teisi isikuvastase vägivalda tarvitamise liike, võime rääkida kuriteolisest, kuid kvalifitseerimata huligaansusest. Kui ühiskondlikku korda rikkunud isiku käitumises puudub küünilisus ja jõhkruus, samuti vägi- vald isiku kallal, siis on tegemist administratiivkorras karistatava huligaansusega.

Peaaegu kõikide liiduvabariikide kriminaalkoodeksid näevad ette kriminaalvastutuse pishuligaansuse eest, mis on toime pandud isiku poolt, kelle suhtes pishuligaansuse eest on rakendatud kaks korda aasta jooksul ühiskondliku või haldusliku mõjutamise vahendeid. Erinevalt teiste liiduvabariikide kriminaalkoodeksite vastavatest paragrahvist käsitleb ENSV KrK-i § 195 kuriteolise huligaansuse tunnustena järgmisi: 1) loetakse küllaldaseks, kui üks kord aasta jooksul on rakendatud ühiskondliku või haldusliku mõjutamise vahendeid, 2) kui vastutus selle kuriteo eest on ette nähtud paragrahvi dispositsioonis ja sanktsioonis, mis käsitleb kuriteolist mittekuritahtlikku huligaansust (ENSV KrK § 195).

Esimene neist tunnustest ei kutsu esile vastuväiteid. Kuid huligaansuse kahe liigi ühiskonnaohtlikkuse astme hindamise seisukohalt tuleb kahelda, kui võrd õige on paigutada ühte dispositsiooni Eesti NSV KrK-i §-is 195 märgitud kaht normi. Mittekuritahtlik kuriteoline huligaansus on suurema ühiskonnaohtlikkusega oma faktiliste objektiivsete omaduste tõttu. Kriminaalkorras karistatav pishuligaansus muutub kuriteoks aga subjekti suurenenud ühiskonnaohtlikkuse tõttu, kuigi siin kuriteolist kahju veel ei esine. See tõttu tuleb seaduses diferentseerida vastutus nende kahe kuriteolise huligaansuse liigi eest. Seda tuleks «Eesti NSV Kriminaalkoodeksis» teha nii, nagu on tehtud enamiku liiduvabariikide kriminaalkoodeksites.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia  
Majanduse Instituut*

Saabus toimetusse  
16. XII 1963

<sup>1</sup> Subjekti eritunnuseid käesolevas artiklis ei käsitleta. Autor on oma seisukoha selles küsimuses avaldanud kirjutises «Ответственность за рецидивное хулиганство по Уголовному кодексу Эстонской ССР», mis ilmus möödunud aastal käesolevas ajakirjas nr. 4.



## DIFFERENZIERUNG DER GROBEN UNFUGARTEN AUF GRUND IHRER GEMEINGEFÄHRLLICHKEIT

J. Livschitz

### Zusammenfassung

Der verbrecherische Unfug hat verschiedene Stufen der Gemeingefährlichkeit nicht nur als eine konkrete individuelle Tat, sondern auch als verbrecherischer Tatbestand. Dieses kommt zum Ausdruck durch die in der Gesetzgebung vorgesehenen verschiedenen Verantwortlichkeitsstufen für böswilligen Unfug (StGB d. ESR § 196, für Unfug, der keine in § 196 des Strafgesetzbuches der Estnischen SSR vorgesehenen Merkmale aufweist (StGB d. ESR § 195) und für geringfügigen Unfug, falls man für eine gleichartige Tat im Laufe des vorangehenden Jahres den Täter mit einer Verwaltungsstrafe belegt oder gesellschaftlich bestraft hat (§ 195 StGB d. ESR).

Die Versuche, die Grundlagen zur Bestimmung der Unfugsarten in ihren Objekten und in ihrer subjektiven Seite aufzudecken, gingen leer aus, da es sich in allen Fällen um vorsätzliche Verletzungen der Beziehungen des sozialistischen Gemeinschaftslebens handelt.

Das Kriterium zur Bestimmung der verschiedenen Gemeingefährlichkeit von verbrecherischen Unfugsarten sollen der Charakter der Tat und ihrer Folgen, sowie die speziellen Merkmale des Subjekts bilden.<sup>1</sup>

Entsprechend § 196 des Strafgesetzbuches der Estnischen SSR äussert sich der Charakter der Tat, der die Steigerung der Gemeingefährlichkeitsstufe des Unfugs mit sich zieht, in besonderem Zynismus oder in Brutalität, oder in Gewalttätigkeit gegen eine Person.

Wegen der schweren Differenzierbarkeit der Begriffe «zynisch» und «brutal» ist es zu ihrer Konkretisierung angebracht, in der Aufzählung der die Verantwortlichkeit erschwerenden Umstände (StGB d. ESR § 38) diejenigen Sachverhalte zu gebrauchen, die als objektive Merkmale der Straftat von Bedeutung sind.

Da das Merkmal «Gewalttätigkeit» die verschiedensten Arten der psychischen und physischen Gewalttätigkeit in sich schliesst, ist es ein zu weiter Begriff, um es als Merkmal des böswilligen Unfugs anzusehen. Auch der nichtböswillige Unfug kann durch Gewalttätigkeit zustande kommen. Die Steigerung der Verantwortlichkeit kann hier vor allem von den Folgen ausgehend geschehen. Falls sich die Folgen der Tat hinsichtlich der Person als schwer erweisen, und man die gegebene Tat in Konkurrenz mit den Paragraphen qualifizieren soll, die Verbrechen gegen die Person vorsehen, so handelt es sich in der Regel um böswilligen Unfug.

Der Unfug als Straftat unterscheidet sich vom Unfug als administrative Rechtsverletzung durch seine grössere Gemeingefährlichkeit. Bei der Bestimmung dieser Unfugsarten kommen in der Praxis grosse Schwierigkeiten vor. Zur Erleichterung der Bestimmung der Unfugsarten in der Praxis sollten Sondererläuterungen herausgegeben werden. Der Unfug ist böswillig nur bei besonderem Zynismus oder besonderer Brutalität, oder falls man an der Person eine Gewalttat verbunden mit Schlagen, Prügeln und Körperverletzungen verübt hat. Beim Fehlen der obenerwähnten Merkmale, falls dabei aber keine besondere Brutalität oder kein Zynismus oder ebenfalls keine anderen Arten der Gewalttätigkeit gegen eine Person auftreten, können wir vom verbrecherischen oder nichtqualifizierten Unfug sprechen. Fehlen im Auftreten der gegen die Gesellschaftsordnung verstossenden Person Zynismus, Brutalität und Gewalttätigkeit gegen eine Person, so haben wir es mit administrativ zu bestrafendem Unfug zu tun.

Die Strafgesetzbücher fast aller Unionsrepubliken sehen strafrechtliche Verantwortung für geringfügigen Unfug bei Personen vor, die zweimal im Laufe des Jahres wegen geringfügigen Unfugs mit Verwaltungsstrafe belegt oder gesellschaftlich bestraft worden sind. Unterschiedlich von entsprechenden Paragraphen der Strafgesetzbücher anderer Unionsrepubliken behandelt § 195 des StGB d. ESR den verbrecherischen Unfug folgenderweise: 1) es wird für ausreichend gehalten, falls die Verwaltungsstrafe oder eine gesellschaftliche Bestrafung einmal jährlich angewandt wurde, 2) die Verantwortlichkeit für diese Straftat in der Disposition und Sanktion des Paragraphen, der den verbrecherischen nichtböswilligen Unfug behandelt, vorgesehen ist.

<sup>1</sup> Die speziellen Merkmale des Subjekts werden im gegenwärtigen Artikel nicht behandelt. Der Autor unterbreitet seine Ansichten in betreffender Frage in Nr. 4, S. 356—363 v. J. der vorliegenden Zeitschrift, im Artikel: «Die Verantwortlichkeit für rückfälligen Unfug laut Strafgesetzbuch der Estnischen SSR».



Das erste Merkmal ruft keine Gegenbeweise hervor. Doch vom Standpunkt der Einschätzung der Gemeingefährlichkeit dieser Unfugsarten muss man anzweifeln, inwiefern es berechtigt ist, diese zwei Normen in einer Disposition § 195 des Strafgesetzbuches der Estnischen SSR aufzustellen. Der nichtböswillige verbrecherische Unfug ist von grösserer Gemeingefährlichkeit wegen seiner faktischen objektiven Merkmale. Strafrechtlich bestrafte Kleinunfug aber wird zur Straftat wegen der grösseren Gemeingefährlichkeit des Subjekts, obwohl hier noch kein verbrecherischer Schaden auftritt. Deswegen soll auch im Gesetz die Verantwortlichkeit für diese zwei verbrecherischen Unfugsarten differenziert werden. Im «Strafgesetzbuch der Estnischen SSR» wäre dieses entsprechend den Strafgesetzbüchern der meisten Unionsrepubliken zu regeln.

*Institut für Ökonomie  
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR*

Eingegangen  
am 16. Dez. 1963